ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОЧКИ

АНТОЛОГИЯ КИБЕРПАНКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

БРЮСА СТЕРЛИНГА

Уильям ГИБСОН, Грег БИР, Джон ШИРЛИ, Пэт КЭДИГАН, Руди РЮКЕР, Льюис ШАЙНЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это — Свободная Зона. Город, омываемый потоками всех человеческих культур. Город на платформе, дрейфующей в атлантическом океане недалекого будущего. В мире, по-тихоньку гибнущем от экономических и экологических проблем, раздираемым террористическими войнами, это, может быть, одно из последних мест спокойствия. Вольный город Свободной Зоны. Это убежище для всех вольномыслящих и художников со всего света. Шарп — один из них. Он музыкант из старой школы, солист известной рок-группы. И он сегодня дает свой последний концерт…

© ceh

- Джон Ширли
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12

Джон Ширли
СВОБОДНАЯ ЗОНА [1]

Джон Ширли часто первым осваивал фронтир, куда затем подтягивались в количестве и прочие киберпанки. Как рок-музыкант он был одним из активнейших виновников панк-взрыва на Западном побережье. Как плодовитый писатель, автор романов «City Come A-Walkin'» («И пришел город») и «The Brigade», а также хоррор-буффонады «Cellars», Ширли известен своей безудержной сюрреалистической образностью и поистине визионерской фантазией.

Повесть «Свободная зона» — сюжетно независимый отрывок из новейшего сочинения Ширли, трилогии «Eclipse», в которой рисуется головокружительная панорама близкого будущего: поп-музыка, политика и паранойя смешиваются в хай-тековской борьбе за выживание. Ширли всегда был первопроходцем, всегда имел широкое влияние в андеграунде, и не исключено, что его обращение к таким глобальным вопросам спровоцирует новую волну радикально политизированной фантастики.

Джон Ширли в настоящее время живет в Лос-Анджелесе и выступает со своей группой.

Свободная зона дрейфовала в Атлантике — поплавок в прибое межнациональных культурных потоков. Город стоял на якоре в сотне километров к северу от Сиди-Ифни, сонного городка на побережье Марокко, омываемый теплым и нежным течением. Эту часть океана редко тревожили сильные штормы. Те, что добирались, рассеивали свою мощь в лабиринте бетонных волноломов, которые долгие годы возводил вокруг искусственного острова местный Админ.

Поначалу Свободная зона представляла собой лишь очередную буровую платформу морского базирования. Довольно значительное нефтяное месторождение, располагающееся на глубине четверти мили под искусственным островом, до сих пор было вычерпано лишь на четверть. Платформой совместно владели правительство Марокко и техасская нефтеэлектронная компания «Текскорп». Та самая, которая купила Диснейленд, Диснейуорлд и Диснейуорлд-2. Все вышеназванные закрылись после ЦЭД — Цифро-Электронной Депрессии, также называемой Критическим Исчезновением.

Группа арабских террористов — по крайней мере, так заявил американский МИД — организовала взрыв небольшой

водородной бомбы на борту рядового орбитального шаттла. Шаттл и два спутника — один из них с экипажем — испарились в ту же секунду, но, когда пошла волна ЦЭД, нашлись дела поважнее, чем плач по жертвам космоса.

Орбитальная диверсия чуть было не вызвала апокалипсис: три запущенные крылатые ракеты успели выполнить команду на самоподрыв, а еще две, к счастью, были сбиты Советами за то время, пока террористы еще не взяли на себя ответственность. Большая часть энергии взрыва была направлена в космос, на Землю пошел лишь побочный продукт — ЭМИ. Электромагнитный импульс, как было предсказано еще в 1970-х, пробежал тысячи миль по проводам и микросхемам континента, над которым взорвалась бомба. Министерство обороны было защищено от подобных неприятностей, но финансовая система по большей части нет. Импульс стер 93 процента информации недавно сформированного Американского комитета по урегулированию банковской деятельности, который проводил 76 процентов национальных денежных переводов. Б*о*льшая часть сделок совершалась через АКУБД или аффилиированные с ним компании… до тех пор, пока ЭМИ не вычистил все данные. Импульс создал такую перегрузку в цепях, что они просто выплавились, буквально поджарив элементы памяти. И подорвав таким образом фундамент американской экономики. Сотни тысяч банковских счетов оказались заморожены до той поры, пока не восстановится информация, а непострадавшие финансовые учреждения накрыло волной панических изъятий. Страховые компании и Федеральную программу страхования просто смело. Они оказались не в состоянии покрыть убытки.

США к тому времени и так находились в сложном положении. Страна потеряла экономическое лидерство в 1980-х — 1990-х: плохо обученные, обладающие недостаточными профессиональными навыками рабочие; жадные, погрязшие в коррупции профсоюзы; низкое качество производства — все это предрешило поражение экономики США в конкурентной борьбе с азиатским и южноамериканским бумом. Вызванное ЭМИ разрушение кредитной системы отбросило страну, балансировавшую на грани рецессии, в пучины депрессии. Остальной мир только обрадовался. Ответственная за взрыв арабская террористическая ячейка, состоявшая из ярых исламских фундаменталистов, насчитывала лишь семь членов. Великолепная семерка, повергшая страну в хаос.

Но Америка все еще могла похвастаться значительным военным присутствием по всему миру, инновациями в области медицины и электроники. Экономика военного времени держала

ее на плаву, словно больного раком, который на амфетаминах испытывает последний прилив сил. Бесконечные торговые и жилые площади, выстроенные задешево и требующие постоянного ухода, ветшали день ото дня, становясь все более жалкими и уродливыми. И все менее безопасными.

Обеспеченным людям жить в Штатах стало рискованно. Курорты, парки отдыха, эксклюзивные кварталы для богатых — все приходило в упадок от непрекращающихся забастовок и террористических атак. Растущей с 1980-х массе бедняков пришлись не по вкусу развлечения богачей. А игравший роль буфера средний класс таял не по дням, а по часам.

На территории США сохранились места, где все еще можно было потеряться в медийном карнавале, позволить себе увлечься объектами желания, телевизионной версией Американской Мечты; десятки тысяч компаний пытались там привлечь к себе внимание, умоляли делать покупки снова и снова. Огороженные стенами города-государства иллюзий среднего класса.

Но богатые уже поняли, что вот-вот королевство падет. Они перестали чувствовать себя в безопасности. Им нужно было перебраться куда-нибудь туда, где все по-прежнему находится под контролем. Европа к тому времени вышла из игры. Центральная и Южная Америка — слишком рискованно. На Тихом океане тоже воевали.

Вот тогда и вспомнили о Свободной зоне.

Один техасский предприниматель, который предусмотрительно не держал денег в АКУБД, оценил возможности сообщества, выросшего вокруг комплекса буровых установок. Ожерельем из ярких побрякушек публичных домов, галерей игровых автоматов и кабаре окружили поставленные на якорь допотопные посудины. Две сотни уличных девок и три сотни крупье обслуживали интернациональный коллектив, который, в свою очередь, обслуживал буровые установки. Предприниматель договорился с марокканским правительством. Он выкупил и ржавые суда, и матросские бордели, а потом всех уволил.

Техасец владел химической компанией, разработавшей особо прочный и легкий пластик. Из него-то предприниматель и собрал плавучие платформы, на которых возвел новый город: семнадцать миль застроенных понтонов, находившихся под охраной одной из самых крутых служб безопасности в мире. Свободная зона предоставляла эксклюзивные развлечения богатым в соответствующем секторе, который был опоясан заведениями эконом-класса, предназначенными для технарей с буровых установок. Там околачивались разнообразные полулегальные

прихлебатели и несколько сотен исполнителей.

Вроде Рикенхарпа.

Рик Рикенхарп стоял, опираясь о южную стену клуба «Полупроводник», в отблесках света и отзвуках музыки и придумывал песню. Получалось что-то вроде: «Отблески света в оглушающем гуле, / Я ностальгирую на электрическом стуле».

«Что за ебаная чушь?» — подумал он, стараясь выглядеть хладнокровным и в то же время уязвимым, дабы хоть одна из шныряющих в толпе телок, вспомнив, как он выступал с группой прошлой ночью, подошла бы с ним поболтать, разыгрывая из себя фанатку. Но телки все больше увлекались танцорами-подключенцами.

Рикенхарп же никоим, блин, образом не собирался косить под минимоно.

Рикенхарп предпочитал рок-классику, носил черную кожаную косуху примерно пятидесятипятилетнего возраста, которая, как гласила молва, принадлежала Джону Кейлу,[2] когда тот еще играл в *«Velvet Underground»*. Швы уже начали расползаться, несколько хромированных заклепок отколупнулось. На локтях и воротнике черная краска протерлась до коричневой шкуры животного, из которой куртка была сшита. Но эта косуха стала Рикенхарпу чем-то вроде второй кожи. Под нею он ничего не носил. Его костлявая, безволосая, нездорового бело-голубого цвета грудь проглядывала из-под сломанных молний. Он был одет в синие, всего десяти лет от роду джинсы, выглядевшие старше куртки, и настоящие ботинки «Харли Дэвидсон». По большим чуть оттопыренным ушам расползлись кусты сережек, а ржаво-коричневая шевелюра напоминала разрыв снаряда.

Еще он носил темные очки.

И все потому, что такой прикид выглядел вопиюще немодным.

Группа донимала его по этому поводу. Им хотелось, чтобы ведущий гитарист и вокалист походил на минимоно.

— Минимоно? Так нужно, на хрен продать гитары и подключиться, — ответил им на это Рикенхарп.

— Ёпта, чувак, так, может, нам стоит подключиться? — Барабанщик был достаточно туп и бестактен, чтобы сказать такое.

— Может, нам стоит купить вместо тебя, тупого неандертальца, гребаную драм-машину? — Тут Рикенхарп выбил из под Марча стул, так что тот упал, зазвенев тарелками. Тогда Рикенхарп добавил: — Надо тебе на сцене извлечь из них такой же клевый звук. Теперь мы знаем, как это делается.

Марч хотел было кинуть в Рикенхарпа барабанные палочки,

но вспомнил, что их придется потом вытачивать на заказ, поскольку новых больше не делают, и, ограничившись тирадой:

— Поцелуй меня в задницу, начальник, — встал и вышел вон.

Не в первый раз уже, но серьезное намерение подкрепляло базар — в первый. Лишь дипломатические усилия со стороны Понса предотвратили уход Марча из группы.

А все началось со звонка их агента. От этого все пошло. Агентство решило оптимизировать репертуарную политику. Рикенхарп оказался вне игры. Два последних альбома не продавались, — собственно, инженеры предупреждали, что живые барабаны плохо звучат на миниатюрных капсулах, заменивших теперь пластинки. Видеоклипы и стереопромо Рикенхарпа в медиасеть не пускали.

По-любому, похоже, «Вид-Ко» сдавала позиции. Еще одну фирму поглотила черная дыра депрессии.

— Мы не виноваты, что продажи ни к черту, — вещал Рикенхарп. — Фанаты у нас есть, просто с дистрибуцией проблемы.

— Херня, — возразил Хосе, — мы давно выпали из обоймы. Да и раньше держались только на волне ностальгии. Больше двух хитов на ретрухе не вытянуть, чувак.

Хулио, басист, добавил на технарском жаргоне такую глупость, что Рикенхарп даже не удосужился перевести, — снова про то, чтобы нанять солистом танцора-подключенца. Отсутствие реакции обидело Хулио, теперь и он решил выйти вон. Эти технари — такие гребаные неженки, что ты!

В итоге группа оказалась в подвисшем состоянии. Поезд остановился посреди перегона. Их подписали на разогрев перед подключенкой, Рикенхарп был против, но контракт обязывал, а на Свободной зоне осталось достаточно фанов, ностальгировавших по классическому року. Их аудитория, что там ни говори, — перед нею были определенные обязательства, хотя бы показать подключенной публике небо с овчинку.

Рикенхарп оглядел «Полупроводник» и пожалел, что «Ретро-клуб» закрылся, — там сохранялась правильная атмосфера, даже рокабилли играли. У некоторых даже получалось похоже на настоящее рокабилли. А «Полупроводник» — площадка для минимоно.

Минимоно носили длинные, абсолютно прямые, жесткие волосы, расходящиеся веером между лопаток, а над головой — сужающиеся на конус, этакий вигвам, черный, белый, красный или серый. Никаких других цветов, никаких полутонов. Одежда стилистически продолжала прическу. Минимоно появилось как реакция на стиль вспышки. И конечно, на хаос, вызванный

войной, на военную экономику, на аморфные подвижки виртуальной Сети. Вспышка сходила на нет, умирала.

К модникам Рикенхарп относился с презрением, но все же предпочитал вспышку минимоно. Во вспышке была хотя бы энергия.

Вспышка возникла как продолжение нонконформистских, контркультурных стилей второй половины двадцатого века. Адепты вспышки поднимали волосы как можно выше над головой, старались всячески подчеркнуть индивидуальность и оригинальность. Чем больше расцветок, тем лучше. Ты не личность, если твоя вспышка не экспрессивна. Винтом, крючком, нимбом, многослойным разноцветным клубком. На салонах причесок для вспышек делались состояния — они же терялись, когда мода прошла. Продержалась она дольше других в силу своего необыкновенного разнообразия и энергетической притягательности. Порой люди избегали придумывать для себя неповторимый стиль, заимствуя стандартную политическую разновидность вспышки: сделай из волос символ одной из понравившихся тебе угнетенных стран третьего мира (в то время, до формирования новой торговой оси, таковые еще существовали). Стиль доставлял так много хлопот, что некоторые предпочитали надевать соответствующий парик перед выходом в свет. Наркотики также были модифицированы, дабы держаться в струе. Возбуждающие нейромедиаторы всех видов: антидепрессанты, колеса, от которых ты словно начинал сиять. Вспышки побогаче покупали себе нимбообручи, источавшие искусственное северное сияние. Вспышки-хипстеры считали подобные примочки безвкусно-нарциссическими: смешно, поскольку все поклонники направления отличались изрядной самовлюбленностью.

Рикенхарп никогда не красил и не укладывал свои волосы, разве что поощрял их панковскую шиповатость.

Но Рикенхарп не был панком. Он ассоциировал себя с предпанковским периодом: поздними 1950-ми, 1960-ми, ранними 1970-ми. Рикенхарп был анахронизмом, настоящим, до мозга костей, рокером, так же неуместным в «Полупроводнике», как бибоп[3] на дискотеке 1980-х.

Рикенхарп оглядывал однотонно-черные и однотонно-серые плащи и спортивные костюмы, черные телефоны на запястьях, все одинаковое, словно печенье из формочек, унифицированный окрас кожи, стандартные серьги в форме колонии «1Шаг» (обязательно по одной и обязательно — в левом ухе). Говорят, что минимоно, фетишисты высоких технологий, так же мечтают о месте в орбитальной колонии, как растаманы когда-то мечтали об

Эфиопии. Рикенхарпа смешило, что Советы установили блокаду колонии, как и то, что обычно пассивные, бесцветные минимоно, тихонько балдеющие себе на амфетатранках, вдруг собираются в группы и гневно перешептываются насчет Советов почему, мол, никто не остановит это безобразие?

Отупляюще-монотонный ритм консервированной музыки сотрясал потолок, отскакивал от стен. Если к ним прислониться, спиной можно было прочувствовать сверлеж.

Сюда дерзнуло прийти несколько отважных вспышек, именно они представлялись Рикенхарпу наиболее вероятными кандидатурами для интимного знакомства, поскольку обычно с уважением относились к старому доброму року.

Музыка смолкла, голос объявил: «А теперь — Джоэль Новая Надежда», — и прожектор осветил сцену. Сейчас выйдет первый подключенец. Рикенхарп взглянул на часы: десять. Основное представление, перед которым ему выступать на разогреве, начнется в одиннадцать тридцать. Рикенхарп представил себе, как пустеет клуб в момент его выхода на сцену. Не для него этот клуб. Но может быть, толпа разбавится к тому времени, другие люди подтянутся. Совсем бы не помешало.

Подключенец по имени Новая Надежда выскочил на сцену: анорексичный, половые признаки удалены хирургически: радикальный минимоно, что подчеркивалось его наготой, — одет в серо-черную аэрозольную облипку. «Интересно, как парень отливает? — задумался Рикенхарп. — Может, через ту вон складочку в паху?» Танцующий манекен. Вся его сексуальность была сосредоточена в хромированном затылочном электроде, который активировал мозговые центры удовольствия во время еженедельного узаконенного катарсиса. Такой худой… кто его знает, может, ходит в подпольную церебростимуляторную подключаться к импульсному генератору? Хотя минимоно обычно строго следовали закону и порядку.

Кабели, подключенные к рукам, ногам и торсу Новой Надежды вели к импульсному преобразователю, вмонтированному в сцену, так что минимоно был похож на марионетку. Но на самом деле он был кукловодом. Сокращения мышц его рук, ног и торса преобразовывались в долгие скорбные вопли из скрытых колонок. «Неплох он для минимоно», — снисходительно подумал Рикенхарп. Можно было даже мелодию, вызванную его танцем, различить. Музыка была более сложной, чем обычно у M&M… Тем временем толпа выстроилась в геометрическом порядке и принялась отплясывать нечто среднее между диско и народным танцем. Калейдоскоп в стиле Басби Беркли[4] строго подчинялся формулам, которые ты должен был

вызубрить, если решился участвовать в процессе. Попробуй только выразить себя фристайлом среди этой сплоченной хореографической постановки, как неприкрытое социальное отторжение, выраженное через язык тела, дохнет на тебя арктическим ветром.

Когда-то Рикенхарп любил, чисто ради прикола, вывернуться кислотным танцем посреди строя минимоно, насладиться ненавистью. Но группа заставила его прекратить: «Не отвращай аудиторию на выступлении, чувак. Может быть, на последнем…»

Подключенец выпилил похожий на волыночный рифф поверх записанного ритма. Стены ожили.

Правильный рок-клуб образца 1965-го ли, 1975-го ли, 1985-го ли, 1995-го ли, 2020-го ли года должен быть узкой и темной норой, вызывающей клаустрофобию. Стены должны быть либо уныло однотонными — черно-зеркальными, например, — либо кричаще — яркими. Кэмповость, скрещенная с тем, что на данный момент считается авангардом, или с цветастым граффити.

«Полупроводник» совмещал тот и другой подход. Стеклянно-черный минимализм по ходу концерта начинал играть яркими, гипнотическими красками — стены реагировали на музыку вспышками цвета, осциллографическими синусоидами, сине-белыми полутонами, отображающими высокие звуки, и пурпурно-красными на басах и перкуссии. Минимоно недолюбливали активные стены, считая их видеокичем.

Пока танцора кидало по сцене, Рикенхарп неприязненно его разглядывал, пытаясь оценить объективно, и успокаивал себя: «Это всего лишь новый вид рок-н-ролла». (Так христианин, наблюдающий буддистский обряд, повторяет: «Очередное проявление Единого для всех Бога») «Но настоящий рок — лучше. Настоящий рок еще вернется», — добавил бы Рикенхарп любому, кто хотел его слышать. Однако никто не хотел.

Тут вошла хаотичка, и чувство одиночества покинуло Рикенхарпа.

Хаотисты гораздо ближе к настоящим рокерам. Она была выбрита наголо, а виски — раскрашены. Юбка из сотен ярких полосок синтетики, приторочeнных к кожаному поясу, напоминала гавайскую, у которой к поясу пришивают длинные листья травы. Нагие груди, соски проткнуты тонкими шурупами. Минимоно смотрели на нее с отвращением: ханжи считали, что привлекать внимание к интимным частям тела не следует. В ответ она широко улыбалась. Миловидное семитское личико было все в мазках краски, наложенная косметика более всего напоминала радикально абстрактное искусство. Зубы ее были подточены.

Рикенхарп сглотнул, оглядывая вошедшую. Черт побери — в точности его тип!

Вот только… вот только с уха у нее свисала нюхательная трубка, сниффер. Перевернутый вопросительный знак цеплялся одним концом за правое ухо, а другим вел к правой ноздре. То и дело она наклоняла голову и вдыхала еще чуть-чуть голубого порошка.

Рикенхарп отвернулся и неслышно выматерился.

Когда-то он написал песню под названием «Попытка соскочить».

С голубого меска, синтококса, героина, амфетоморфина, иксти-2; он все больше вмазывал по-первому. Подсесть на голубой меск было легче легкого, но он был так хорош…

Голубой меск иногда называли голубогом. Все лучшее от мескалина и кокаина, вместе взятых, в сладкой желатиновой оболочке куаалюда. Но, в отличие от кокса, без особых отходняков. Вот только… вот только, если прекратить его принимать после долгого употребления, жизнь теряет весь смысл. Как таковой, ломки нет. Лишь глубочайшая депрессия и чувство безысходности оседают как пыль и, кажется, пропитывают каждую клетку тела. Не так, как после кокса, но…

Но некоторые называли голубой меск «билетом на суицид».

Употребляя его, можно было почувствовать себя шахтером при просадке тоннеля: как будто тебя похоронили.

Рикенхарп прошел курс лечения, оплаченный его родителями: все деньги от своего единственного хита он растранжирил на голубога и травку. Он едва соскочил. И совсем недавно, перед тем как начались разногласия в группе, снова почувствовал, что жизнь чего-то стоит.

От вида проходящей мимо девушки с трубкой, от того, как она нюхнула, Рикенхарпа так проняло, как будто что-то вдруг напомнило об утраченной любви. Синдром отказника. Чувство боли и вины за измену своему веществу.

Он вспоминал нежный щепоток наркотика в ноздрях, сладковатый медицинский привкус на нёбе или, если пустить по вене, пульсирующий взрыв соматического, как женские губы на половом члене, удовлетворения. Аутоэротический удар голубого меска. Воспоминания приносили с собою тень того чувства, призрак безумия. В памяти остались вкус, фактура, запах… Один только взгляд на то, как она употребляет, принес с собою сотни радужных образов. Почти непреодолимое желание. (В то время как слабый внутренний голос изо всех сил пытался привлечь его внимание, предупредить: «Эй, вспомни, как это дерьмо толкало тебя к самоубийству, когда заканчивалось; вспомни эту

неестественную самоуверенность, грубость; вспомни, как оно грызло тебя изнутри…» — слабый, удаляющийся голос.)

Девушка взглянула на него, в ее глазах промелькнуло приглашение.

Слабый голос стал громче, почти прокричал:

«Рикенхарп, если ты подойдешь к ней, пойдешь с ней, то в конце концов опять подсядешь».

Он отвернулся, внутри все колыхнулось от боли. Проковылял, омываемый волнами света и одинаковых людей, в гримерную. К гитарам, наушникам — в надежный мир звука.

Рикенхарп слушал залитую в ушной колпачок коллекционную запись *«Velvet Underground»* 1968 года. Композиция называлась «White Light / White Heat». Гитаристы откалывали такие фортели, что, услышав их, барон Франкенштейн молвил бы: «Воистину есть вещи, которые человек не должен познать». Рикенхарп засунул колпачок чуть поглубже, чтобы вибрация проникала в ушную кость, чтобы все нутро трепетало под гитарные аккорды. Видео себе в визор он подобрал соответствующее: документалку про художников-экспрессионистов. Слушать «вельветов», так под Мунка,[5] чувак!

Тут Хулио пальцем коснулся его плеча.

— Счастье так скоротечно, — пробормотал Рикенхарп, отодвигая визор.

Устройство походило на некогда популярное у врачей зеркальце на резинке, но экран, который опускался перед глазами, был прямоугольным, как автомобильное зеркальце заднего вида. Некоторые визоры шли в комплекте с миникамерой и реалсимом. Последний носили на спине, вплотную к коже, вроде корсета. Камера запечатлевала изображение улицы, по которой вы идете, и передавала его реалсиму, который соответствующим образом покалывал кожу на спине. Мозг анализировал данные и собирал из них грубую картинку окружающего. Разработано это устройство было еще в 1980-е для слепых. Теперь оно использовалось видеоманьяками, которые ходили пешком или водили машину с визором на глазах, одновременно смотря телевидение и рефлекторно управляя своим движением с помощью реалсима. Экран блокировал зрение, но при этом двигаться удавалось, не особенно врезаясь друг в друга. Рикенхарп реалсима не носил, ему пришлось повернуться к Хулио и взглянуть тому в глаза:

— Что тебе?

— Чердеть, — невнятно пробормотал басист. «Через десять» на технарском жаргоне. Им выходить через десять минут.

Хосе, Понс, Хулио, Марч: ритм-гитарист и второй вокалист, клавишник, басист, барабанщик.

Рикенхарп кивнул и потянулся было вернуть визор на место, но Понс щелкнул переключателем гарнитуры. Изображение сузилось в точку, словно световое пятно за уходящим в туннель поездом, Рикенхарп почувствовал, как внутри его что-то сжимается столь же стремительно. Он знал, что последует далее.

— Ладно, — вздохнул он, — что еще?

В гримерной, где они расположились, стены были расписаны до черноты. В гримерных всех рок-клубов стены расписаны, освежеваны, исхлестаны надписями до черноты. Тут и декларации вроде «ПАРАЗИТЫ РУЛЯТ», и задорный вздор вроде «СИМВИОЗ 666 ТУТ ЗАТРАХАЛСЯ ДО СМЕРТИ» и народный экзистенциализм вроде «БРАТАНЫ-АЛКАЛОИДЫ ЛЮБЯТ ВСЕХ, НО ПОЛАГАЮТ: ЛУЧШЕ БЫ ВЫ СДОХЛИ», и загадки вроде «СИНХб6 ГОТОВ». Как будто узоры на смятой газете. Слой за слоем. Палимпсест. Галлюцинация на тему движения электронов в коре головного мозга.

Из-под граффити кое-где проглядывали куски нетронутой стены — прессованный картон, покрытый слоем серой краски. Только и места, чтобы втиснуться всей рикенхарповской группе, кому — на кухонных стульях с отломанными спинками, кому — на трехногом офисном кресле. Промеж всего этого были навалены футляры с инструментами: углы облуплены, кожзаменитель по-отклеивался, половина застежек сломана.

Рикенхарп по часовой стрелке оглядел собравшихся, фиксируя выражения лиц: слева — Хосе, в глазах его боль, круги под глазами гармонируют с гроздью сережек в ушах; на голове — тройной ирокез, центральный гребень — красный, по бокам — белый и синий; на левом указательном пальце — кольцо из дымчатого хрусталя, под цвет — и он прекрасно это знал — его мутно-янтарных глаз. Рикенхарп и Хосе были близки, а сейчас смотрели друг на друга с осуждением и обидой, какая порой возникает между любовниками, хотя любовниками они никогда не были. Хосе не устраивало то, что Рикенхарп не хотел меняться, ставил собственные музыкальные пристрастия выше выживания группы. Рикенхарпа не устраивало то, что Хосе планировал использовать подключенку, — это, по мнению Рикенхарпа, в корне меняло характер группы, — и то, что Хосе был готов им, Рикенхарпом, пожертвовать. Заменить его на подключенца. Они оба знали болевые точки, но ни разу не обсуждали их вслух — это было бы некруто. Чувства транслировались привычными полунамеками. Сейчас Хосе излучал плохие новости. Голова наклонена, как будто шею сломали, глаза тусклые.

Понс и вовсе стал минимоно, по крайней мере на вид, — как-то они уже сильно поскандалили на эту тему. Худощавый и остролицый, он с головы до ног, включая волосы и кожу, перекрасился в корабельно-серый цвет. В клубном дыму он порой растворялся напрочь.

Сквозь серебряные контактные линзы он разглядывал свое отражение в десяти кривых зеркалах серебристых ногтей. Полный мрак.

Хулио. Этот любил собачиться с Рикенхарпом и хотел перемен. Да, до определенной степени он верен Рикенхарпу, но по сути — конформист. На словах будет за Рикенхарпа, но подчинится большинству. Его густые черные пуэрториканские волосы корабельным штевнем вздымались над головой. Женственный профиль, длинные дамские ресницы. В ухе — сережка, серебряный гвоздик; черная кожаная ретро-рокерская куртка, как у Рикенхарпа. Хулио крутил на пальце кольцо-печатку с оскалившимся черепом, ухмыляясь тому в ответ и делая вид, что очень обеспокоен, не шатается ли один из череповых глаз, рубиново-красная стекляшка.

Марч был крепким парнем с ровным ежиком волос на голове. Посредственный барабанщик, но барабанщик — разновидность музыканта фактически вымершая.

— Марч уникален, как птица дятел, — изрек однажды Рикенхарп, — и не только это роднит его с дятлом.

Марч носил очки в роговой оправе и качал на колене бутылку бурбона «Сазерн камфорт», которая являлась полноценной частью его имиджа, наряду с ковбойскими ботинками. Так, по крайней мере, он сам считал. Марч глядел на Рикенхарпа с нескрываемым — за отсутствием мозгов, чтобы притушить эмоции, — презрением.

— Отъебись, Марч, — проворчал Рикенхарп.

— Чё? Я же ничего не сказал.

— Тебе и не нужно. Я твои мысли нюхом чую. В рот себе их засунь, педрило! — Рикенхарп встал и оглядел остальных. — Я знаю, что у вас на уме. И прошу у вас только одного — хорошо порубиться напоследок. Потом делайте что хотите.

Напряжение вспомнило о своих крыльях и покинуло собрание.

Рикенхарп почувствовал, что другая птица влетела в комнату — громовержец.[6] Помесь наивной картинки из вигвама и хромированного «форда». Она распростерла крылья, и перья заблистали отполированными бамперами. Фары на ее груди загорелись, когда группа собрала инструменты и вышла на сцену.

Рикенхарп таскал свой «стратокастер» в перевязанном

изолентой и обклеенном отваливающимися стикерами черном футляре. Но сам «страт» был безукоризненно чист, прозрачен, а обводами напоминал гоночный автомобиль.

Они двинулись коридором из белого пластикового кирпича к сцене. После первого же поворота коридор сужался до такой степени, что им пришлось идти боком, придерживая инструменты впереди себя. Объем в Свободной зоне был на вес золота.

Рабочий сцены заметил выходящего первым Марча и сделал знак диджею, который остановил запись и старомодно, как его и просили, объявил через громкоговоритель:

— Поприветствуем, друзья… Рикенхарп.

Толпа не отреагировала: несколько свистков и жидкие аплодисменты.

«Хорошо, сучка, сопротивляйся», — подумал Рикенхарп, в то время как группа занимала места на сцене. Он выйдет последним, когда все для него подготовят. Как обычно.

Из-за кулис, сквозь яркий свет прожекторов, Рикенхарп всматривался в змеиную яму аудитории. Теперь минимоно составляли ее только наполовину. Хорошо, это повышало его шансы.

Группа заняла свои места, подключила автоматические тюнеры, вертела ручки настройки.

Рикенхарп был приятно удивлен тем, что сцена освещена приглушенно-красным, как он и заказывал. Может, инженер по свету — один из его поклонников. Может, группа не даст маху на этот раз. Может, все войдет в свою колею. Может, они найдут нужную комбинацию, отопрут замок и выпустят громовержца из клетки.

Он услышал, как зрители шепчутся о Марче. Большинство из них живого барабанщика видели разве что на вечере сальсы. До Рикенхарпа донесся отрывок разговора на технарском жаргоне:

— Чтобуделаттим? — В смысле: «Что он с этим будет делать? Что это он там настраивает?» — о барабанах.

Рикенхарп достал «страт» из футляра, закрепил на ремне, поправил перевязь, включил тюнер. Втыкать провод не было необходимости: как только Рикенхарп выйдет на сцену, приемники усилителей автоматически зарегистрируют его «страт» и станут транслировать сигнал с гитары на штабель «Маршаллов», расположенный за спиной барабанщика. Жаль, конечно, что электронное оборудование стало таким миниатюрным, но крошечные усилители звучали ничуть не тише своих предшественников из двадцатого века. Однако выглядели куда менее внушительно. Зрители перешептывались: «Зачем это?» — и по поводу «Маршаллов». Большинство из них никогда не

видели старомодных усилителей.

Марч взглянул на Рикенхарпа, тот кивнул.

Несколько секунд Марч выстукивал четыре четверти в одиночку. Подхватился бас, наложил собственный вариативный слой, а клавишные выстелили дорогу в вечность.

Теперь можно было выходить. Словно до этого момента Рикенхарпа и сцену разделяла пучина, но басист, барабанщик и клавишник совместными усилиями возвели через нее мост. Он прошел через этот мост в теплые воздушные потоки: кожей можно было почувствовать жар софитов, как будто выходишь из кондиционированной комнаты прямиком в тропики. Музыка звучала изощренным страданием в тропических джунглях. Рикенхарпа поймало ослепительно-белое световое пятно, сфокусировалось на его гитаре, в точности следуя инструкциям.

«Супер! Инженер по свету — мой человек», — подумал Рикенхарп.

Ему показалось, что он понимает желания гитары. Ей нестерпимо хотелось ласки.

Сам того не осознавая, Рикенхарп двигался под музыку. Не резко. Без навязчивого «ты только посмотри на меня», как у некоторых исполнителей, которые пытаются силой вытянуть из публики восторги, от чего каждое их движение кажется искусственным.

Нет, Рикенхарп был естественен. Музыка струилась сквозь него, не замедлялась на отмелях тревог и порогах собственного эго. Напротив, эго, столь же безукоризненное, как одеяния понтифика, наполняло огнем его олимпийский факел.

Группа прочувствовала это. Рикенхарп сегодня был в отменной форме. Потому, что его наконец освободили. Напряжение ушло, конец: группе огласили смертный приговор. Рикенхарп стал бесстрашен, как настоящий самоубийца, в нем заговорила отвага отчаяния.

Группа прочувствовала и двинулась вслед. На куплете пошла химическая реакция: Хосе взял сложный рифф внизу, почти у хромированного порожка, а Понс выдал в духовом режиме синтезатора исключительно богатую тему. Вся группа ощутила эту химию, словно удар током, прекрасная дрожь от слияния индивидуальностей в общее эго. Оргазм почище сексуального.

Зрители слышали все это, но пока сопротивлялись. Не хотели, чтобы им понравилось. Зал был переполнен — из-за репутации клуба, не из-за Рикенхарпа; толпа упакованных вплотную тел формировала единый чувственный экзоскелет, а значит, как он прекрасно понимал, была уязвима. Он знал, куда

надавить.

Чувствуя, что *начинает получаться,* Рикенхарп стал уверенным, но не надменным. Он был слишком надменен по своей сути, чтобы выказать надменность.

Публика смотрела на Рикенхарпа, как смотрят на наглого соперника перед рукопашной. Смотрят и пытаются понять, почему тот выглядит так дерзко, что у него на уме.

Рикенхарп отлично умел выбрать нужный момент. И знал, что существуют чувства, которые даже самым равнодушным не удастся контролировать, когда те вырвутся наружу. Знал, как сделать, чтобы они вырвались.

Рикенхарп ударил по струнам. Звук мерцал в зале, а он смотрел на публику. Устанавливал зрительный контакт.

Ему нравилось, когда дерзко смотрели в ответ, это делало предстоящую победу более сладкой.

Потому, что *он был уверен.* За последнюю пару недель группа отыграла пять концертов, все пять — в напряженной атмосфере, когда единение получалось лишь урывками. Так в эксперименте: когда электроды смещены, дуга между ними не проскакивает.

Как будто вожделение, сексуальный драйв поднялись до уровня личного отторжения, перехлестнули через него, хлынули, сотрясли группу, а Рикенхарп, оглушительно скользя от аккорда к аккорду, запел…

Публика смотрела на него все еще враждебно, но Рикенхарпу нравилось, когда девчонки играли с ним в «попробуй изнасилуй меня». *Трахни их в уши, чувак!*

Группа, как инжектор, впрыскивала топливо в зал внутреннего сгорания; Рикенхарп запалил искру, зрители взорвались, вытолкнули поршень — и… понеслась. Рикенхарп за рулем. Он вел их вдаль, каждая песня была горизонтом, к которому они неслись. Он рвал струны и пел:

Ты хочешь простого ночного действа
Действа без обязательств.
Хочешь уютной цепной реакции —
Реакции и симпатии.
Ты говоришь, что тебя утешит.
Утешит, снимет апатию
И чувство опасности.

Только так будет без сюрпризов,
Только так никого не убьет,
Никаких моральных проблем,

Никакой крови на простынях.

А как по-мне, да как по-мне,
ТАК БОЛЬ ВЕЗДЕ!
Только с болью жизнь.

Крошка, лизни моей
Или лизни его.

БОЛЬ ВЕЗДЕ!
Только с болью жизнь.
БОЛЬ ВЕЗДЕ…

Из «Интервью с Рикенхарпом: Маленький Мафусаил», напечатанного в «Журнале гитариста»[7] за май 2017 года:

ЖГ: Рик, ты любишь говорить о динамике группы. Я так понимаю, не о динамиках речь?

РИКЕНХАРП: Правильно, чтобы музыканты сами нашли друг друга, так же как находят друг друга влюбленные. В барах или я не знаю где… Участники группы составляют пять химических элементов, вступающих в реакцию. Если реакция подходящая, в нее вступают и зрители, получается… ну… социальная реакция.

ЖГ: Может быть, это твое личное психологическое предпочтение? Я имею в виду, твою потребность в органическом единении группы?

РИКЕНХАРП (после долгой паузы): В некотором смысле. Действительно, я ощущаю потребность в чем-то таком. Мне нужно быть частью целого. Мне нужно… о'кей, да — я нонконформист, и тем не менее на каком-то базовом уровне мне нужно быть частью целого. Наверное, рок-группу можно назвать суррогатной семьей. Ячейка общества развалилась на хрен, так что… группа — моя семья. Я все сделаю, чтобы мы были вместе. Мне нужны эти парни. Если я их потеряю — останусь круглым сиротой, как ребенок, у которого убили мать, отца, братьев и сестер.

БОЛЬ ВЕЗДЕ!
Только с болью жизнь.
Крошка, лизни моей
Или лизни его.
БОЛЬ ВЕЗДЕ!

Он пел вызывающе, почти орал — казалось, выплевывал каждую ноту, как матерное ругательство, — словом выполнял магический обряд: заклинал мелодию. Он видел, как отворяются двери их лиц, даже у минимоно, даже у нейтралов, а также у всех вспышек, эксов, хаотистов, препов и ретро. Они забывали собственную субкультурную принадлежность, чтобы слиться в естественном музыкальном оргазме. Прожектора мочалили до седьмого пота, но он продолжал выдавливать пальцами ноты, чувствуя, как они обретают форму в его руках, — так скульптор мнет глину; ушло различие между идеальным представлением в сознании и звуком на выходе усилителя. Мозг, тело и пальцы — все слилось в одну сверхпроводящую цепь, причем выключатель этой цепи сплавился намертво.

И в то же время какая-то его часть искала среди зрителей ту бритую хаотичку. Он даже немного расстраивался, не замечая ее, но утешал себя: «Придурок, ты счастлив должен быть — едва ушел: она бы снова подсадила тебя на голубога».

Но тут он увидел, как она протолкнулась в первый ряд, чуть заметно кивнула, как старая знакомая, и от всей души обрадовался, пытаясь одновременно понять, что же подсознание готовит ему на этот раз. Но все эти мысли проблескивали на заднем плане. Большую часть времени его сознание было безраздельно отдано звуку, исполнению звука для публики. Он источал скорбь, скорбь от потери. Его семья умирала, он заклинал мелодию, резонировавшую со струной потери, которая есть в каждом…

Некое сверхъестественное сплочение накрыло группу. Их слепил гештальт, а Рикенхарп ухватил его клещами коллективное тело зрителей, вертел ими как хотел, но понимал: «Группа хороша, но это не надолго, до тех пор, когда закончится концерт».

Так разведенная пара резвится в постели, осознавая, что брака это не склеит. Собственно, острота чувств приходила с отказом от надежд.

Но сейчас у них — праздник.

К последнему номеру энергия настолько переполнила клуб, что, как выразился однажды Хосе с типичной мелодраматичностью рокера, «если бы ее можно было разрезать, всех бы залило кровью». Дым от травы, табака и курительных смесей клубился в воздухе и, казалось, состоял в заговоре с освещением сцены, порождая атмосферу волшебного отчуждения. С каждой пульсацией цветомузыки — от красного к голубому, от белого к ослепительно-желтому — соответствующая волна эмоций захлестывала публику. Энергия накапливалась, Рикенхарп высвобождал ее, «страт» служил громоотводом.

А потом концерт закончился.

Рикенхарп вырвал последние пять нот в одиночестве, швырнув кульминацию в зал. После этого сошел со сцены, едва слыша рев толпы. В неосознанном порыве он почти бегом пронесся по коридору из пластикового кирпича, огляделся в гримерной, вспоминая как там оказался. Окружающее казалось более овеществленным, чем обычно. В ушах звенело, как будто Квазимодо отрывался в своей колокольне.

Он услышал шаги, развернулся, придумывая на ходу, что же скажет своей группе. Но вошла девушка-хаотичка, и кто-то еще, и третий человек за тем вторым кем-то еще.

Кто-то еще представлял из себя худого парня со встрепанными — естественным образом, а не в рамках имиджа той или иной субкультуры — каштановыми волосами. Рот у него был чуть раскрыт, виднелся почерневший передний зуб, нос — чуть обветренный, запястья взбугрились венами. Третий был японцем: маленький, незаметный, кареглазый, нейтральное выражение лица с капелькой симпатии. Худой белый парень носил армейскую куртку без нашивок, блестящие джинсы и разваливавшиеся теннисные туфли. Его руки не находили себе места, как будто он привык в них держать что-то, чего сейчас не было. Музыкальный инструмент? Возможно.

Японец был одет в небесно-голубой, с иголочки японский походный костюм, пустые руки его расслабленно висели по сторонам. Вот только на уровне бедра что-то выпирало из под одежды. Что-то, что он мог легко вытянуть, сунув руку через полураскрытую молнию куртки. Рикенхарп был почти уверен, что там пистолет. Одна черта объединяла всех троих: выглядели они вымотанными.

Рикенхарп вздрогнул — покрывавший его пот остывал, — но заставил себя выдавить:

— Чо такое?

Слова прозвучали пусто. Он глядел поверх вошедших и ждал группу.

— Группа за кулисами, — сообщила хаотичка. — Басист велел передать: «Псьходитнахрн».

Рикенхарп улыбнулся ее издевке над технарским жаргоном: «Пусть выходит на хрен».

А потом, словно слетела обдолбанность, он услышал крики и понял, что публика вызывает на бис.

— Боже мой, на бис, — произнес он не задумываясь. — Как, блин, давно этого не было!

— Чувайк, — подал голос худой парень. Он произнес «чувайк» вместо «чувак»; бриташка или австрияк. — Яй видеть ты

Стоунхендж пьять льет тому, ты исполняйть тот другой хит.

Рикенхарп чуть поморщился, услышав слова «другой хит», невольно подчеркнувшие тот факт, что хитов у него было только два и все понимали, что больше не ожидается.

— Меня зовут Кармен, — представилась хаотичка. — А это — Уиллоу и Юкио.

Юкио стоял в стороне от других. Что-то в его поведении подсказало Рикенхарпу, что он следит за коридором, хотя всячески пытается это скрыть. Кармен заметила, что Рикенхарп наблюдает за Юкио, и пояснила:

— Скоро тут будут копы.

— С чего бы это? — спросил Рикенхарп. — У клуба есть лицензия.

— Ты или клуб тут ни при чем. Ищут нас.

— Мне не нужно неприятностей, — заметил Рикенхарп, посмотрев на нее. Он подхватил гитару и направился в зал. — Да еще на бис надо спеть, пока они не остыли.

Кармен пошла за ним и под эхо аплодисментов спросила:

— Можно нам пока побыть в гримерной?

— Да, но там небезопасно. Если вы сюда зашли, то и копы могут.

Они уже были в кулисах, Рикенхарп сделал знак Марчу, и группа начала играть.

— Это не совсем копы, — призналась она. — В таких местах они плоховато ориентируются: будут искать нас в толпе, а не в гримерке.

— Ты оптимистка. Я попрошу вышибалу постоять здесь и, если увидит, что кто-то спускается, сказать, что внизу никого нет, он только что проверял.

— Спасибо. — Кармен вернулась в гримерку.

Рикенхарп поговорил с вышибалой и отправился на сцену. Он чувствовал себя выжатым, гитара висела тяжким грузом. Но он смог подхватить энергию зала, она питала две песни на бис. Он ушел, пока публика еще хотела продолжения — так всегда нужно делать, — и, весь потный, направился обратно в гримерку.

Там все еще ошивались Кармен, Юкио и Уиллоу.

— Есть тут задний выход? — спросил Юкио. — На улицу?

— Подождите в зале, — попросил Рикенхарп, — я скоро выйду и покажу вам.

Юкио кивнул, и они пошли в зал. Группа проскользнула мимо Кармен, Юкио и Бриташки, почти не обратив на них внимания, полагая их обычным околомузыкальным планктоном. Только Марч, заметив сиськи Кармен, сделал танцевальное па, аккомпанируя себе барабанными палочками.

Группа смеясь расселась в гримерке, похлопывая в ладоши и закуривая разные разности. Рикенхарпу они не предложили, знали: он не употребляет. Он упаковывал гитару, когда Хосе сказал:

— Ну ты голова!

— В смысле — он тебе мозгов чуток вставил? — спросил Марч, а Хулио только хихикнул.

— Ну да, — подыграл Понс, — мозгов, костей, почек…

— Почек добавил? Рик отлизал твои почки? Я сейчас блевану!

Обычные незлобивые подколки: группа все еще была в приподнятом настроении после удачного концерта и откладывала то, что неизбежно должно было произойти, пока Рикенхарп не спросил:

— О чем хотел поговорить, Хосе?

Хосе взглянул на него, остальные притихли.

— Я знаю, ты что-то задумал, — спокойно проговорил Рикенхарп.

— Ну, как это… есть один агент, Понс его знает, так он мог бы нас взять. Он с технарями работает, гонять нас будет по их клубам, это только начало, неплохое начало. Но чувак говорит, что мы должны выступать с подключенкой.

— Вы, ребята, зря времени не теряли, — проворчал Рикенхарп, захлопывая гитарный футляр.

— Мы, в общем, ничего такого за твоей спиной не замышляли, — пожал плечами Хосе, — чувак-то взял и предложил только вчера вечером. До сих пор не было случая нормально с тобой поговорить, так что… В общем, можно — в том же составе, только сменить имидж, название группы, репертуар…

— Мы потеряем, — возразил Рикенхарп, и чувство единения куда-то исчезло, — мы потеряем все то, что имеем. У вас ничего не останется своего, если будете дергаться в этом говенном кукольном театре.

— Рок-н-ролл — ни хуя не религия, — подал голос Хосе.

— Не религия, но определенное звучание. А вот что предложу я: написать новые песни в прежнем стиле. Сегодня мы хорошо выступили. Может, это начало, поворотный пункт для всех нас? Останемся тут, будем расширять аудиторию, завоеванную этим вечером.

Все равно, что кидать монеты в Гранд-Каньон: даже звона их удара о дно не слыхать.

Группа лишь смотрела ему в глаза.

— Хорошо, — сказал Рикенхарп. — Хорошо. Мы уже это

проходили десять гребаных раз. Хорошо. Это конец. — Заготовленная для такого случая прощальная речь застряла в горле. Он повернулся к Марчу и сказал: — Думаешь, они тебя оставят? Тебе обещали? Ха-ха три раза. Сам подумай, чувак: на хера им барабанщик? Лучше по-быстрому учись программировать. — Он взглянул на Хосе. — Пошел ты на хуй, Хосе, — произнес он тихо.

Он посмотрел на Хулио, который делал вид, что разглядывает особо неразборчивую надпись на дальней стене.

— Хулио, можешь взять мой усилок. Я путешествую налегке.

Рикенхарп поднял гитару, повернулся и вышел, оставив за собою тишину.

Он кивнул Юкио и повел троицу к задней двери. У выхода Кармен сказала:

— Мы тут ищем, где бы на дно залечь… Не поможешь?

Рикенхарп нуждался в компании, очень сильно нуждался. Он кивнул:

— Да… только если поделишься меском.

— Конечно, — согласилась Кармен.

Они вышли на улицу.

Рикенхарп надел темные очки: бульвар раздражал его.

Улица извивалась по сомкнутым платформам Свободной зоны примерно милю, поворачивала то в одну, то в другую сторону через игольное ушко галерейных каньонов, расцвеченных неоном и светопухом. Запутанность только усиливалась напластованием ярких цветных огней.

Рикенхарп и Кармен вышагивали в вязкой ночной жаре почти в ногу. Юкио шел позади, Уиллоу — впереди. Рикенхарп как будто попал в отряд следопытов, прорубающийся через джунгли. А еще ему казалось, что их преследуют, по крайней мере — наблюдают за ними. Может быть, оттого что видел, как Юкио и Уиллоу то и дело оглядываются через плечо…

Рикенхарп ощущал под ногами дрожь кинетического удара: гребень волны медленным ударом кнута перекатывал эластичную мостовую, напоминая о том, что волнорезы сегодня подняты и заградительным перегородками приходится несладко.

Над узкой улицей возвышались три уровня галереи, каждый был опоясан боковыми дорожками балконов; у ограждения стояли люди, всматриваясь в змеящийся внизу поток. Галерейный пирог омывал Рикенхарпа волной запахов: аппетитным от картошки-гриль из фастфудов; горьковато-сладким парфюмерным ароматом от курительных смесей, табака, ароматических палочек; и еще многими: мочи, жареной рыбы, скисшего пива, попкорна,

морского прибоя и озона от выхлопов снующих тут и там электромобилей. В первый раз, когда приехал сюда, Рикенхарп подумал, что воздух здесь не такой, какой должен быть в квартале красных фонарей. «Слишком нежный», — сказал тогда он, а потом понял, что не хватает низких басов окиси углерода. Здесь не было машин с двигателем внутреннего сгорания.

Звуки накатывали на Рикенхарпа теплой рябью культурного изобилия: оглушающие популярные мелодии из гетто-бластеров и бумбоксов, их носители — карлики по сравнению с производимым шумом; дребезжащая легкость протосальсы; нарочито однообразный ритм минимоно.

Рикенхарп и Кармен прошли под аркой из стекловолокна, так густо покрытой граффити, что определить, в честь кого она построена, не было никакой возможности, и продолжили путь по молочного цвета дорожке, скрывающейся под боковой галереей второго уровня. Многоязычная толпа густела по мере приближения к центру бульвара. Мягкий свет, лившийся из-под полистироловой мостовой, делал всех похожими на персонажей из фильма ужасов 1940-х годов. Даже увиденное сквозь темные очки окружающее манило Рикенхарпа тысячью соблазнов.

Он все еще скользил по волне голубого меска, начавшей уже опадать: Рикенхарп чувствовал, как она теряет энергию. Он посмотрел на Кармен, та ответила взглядом — они поняли друг друга. Она огляделась и кивнула на вход в закрытый кинотеатр — узкую забитую мусором нишу в нескольких шагах от улицы. Они зашли внутрь, а Юкио и Уиллоу стали спиной к дверям, загораживая улицу, так чтобы Рикенхарп и Уиллоу могли каждый втянуть по двойной дозе голубого меска. Было какое-то детское удовольствие, какая-то блатная романтика в этой игре в прятки. После второй затяжки надписи на стекловолоконных дверях вдруг обрели смысл.

— У меня заканчивается, — сообщила Кармен, рассматривая флакон.

Рикенхарпу не хотелось думать об этом. Мозги у него снесло, он почувствовал, что переключается в вербальный режим голубога.

— Видишь эту надпись? «ТЫ УМРЕШЬ МОЛОДЫМ, ЭТБ ОТОБРАЛА ПОЛОВИНУ ТВОЕЙ ЖИЗНИ». Знаешь, что это означает? Я понятия не имел, что такое ЭТБ до вчерашнего дня. Видел название на стенах, удивлялся, пока вчера кто-то не обмолвился…

— Что-нибудь связанное с бессмертием, — предположила она, слизывая голубой меск с кончика сниффера.

— Элитная Терапия Бессмертия. Типа какие-то люди

придерживают терапию бессмертия для себя любимых, потому как правительство не желает перенаселения оттого, что народ живет слишком долго. Очередная идиотическая теория заговора.

— Ты не веришь в заговоры?

— Не знаю… может быть. Но не в такие завиральные. Я думаю… людьми все время манипулируют. Даже здесь: это место так давит, знаешь, как…

— Подождайть, — вмешался Уиллоу, — дети, заняйтие по социологии переносийся на будущее, поняйть? Где этот место с чувайк, которы можейт увозить нас отсюда, парень?

— Пошли, — сказал Рикенхарп снова выводя их в людской поток. И гладко продолжил свой мескалиновый треп: — Здесь же как Таймс-Сквер, да? Читала про это место в старых романах? Архетип. Или вот некоторые места в Бангкоке. Я думаю, все они устроены особым образом. Может, это происходило подсознательно. Но они устроены так же тщательно, как японская икебана, только эстетика там с обратным знаком. Прикинь, все эти исступленные, слезливые, самодовольные проповедники, которые всегда болтали о дьявольском соблазне подобных мест, были правы. По-своему совершенно правы. Потому что, да, такие места возбуждают, соблазняют, пьют человеческую кровь. Да, они как венерина мухоловка.[8] Архитектурный Свенгали.[9] Клише о плохих районах города не врали. Все эти преподобные батюшки: преподобный Ико, преподобный… как его?.. Добряк Рик Крэндэлл…

Кармен быстро окинула взглядом Рикенхарпа. Он, было, удивился, но меск нес его дальше:

— …все они правы, но потому же, почему правы, они и ошибаются. Здесь каждый пытается тебе что-нибудь впарить. Тысячи ярких огней и мобилей соблазняют тебя отдать им энергию… в форме денег. Люди сюда по большому счету приезжают за покупками или затем, чтобы в последний момент удержаться от покупки. Напряг между желанием купить и сопротивлением ему прикалывает. С чего, например, я тут прусь? Меня гладят по яйцам, а я держу все в себе. Врубилась? Тут прешься, но не кончаешь, а то зря только просрешь деньги, подхватишь сифон, или тебя ограбят, или всучат херовые таблетки, или еще чего… Я имею в виду — все, что тут продается, — бессмысленное говно. Но сегодня мне трудно сопротивляться… — он пропустил: «Потому, что я под кайфом», — я более восприимчив к подсознательным призывам, вшитым в дизайн символов, в кинетическую возню, а от гребаных мерцающих лампочек втыкаешь, как древний компьютер, в двоичном мышлении: вкл-выкл, вкл-выкл, свет-тьма — неонки,

они действуют не хуже спиральной подвески гипнотизера из старого кино. Эти здешние расцветки, яркость вывесок, частота пульсации, частота включения-выключения лампочек — все сконструировано с учетом законов психологии, а конструкторы даже не знают, чем пользуются: эти двусмысленные цвета, выделения желез, возбуждающая химия прямо в центр удовольствия в мозгу… как проплаченные скабрезности от шлюхи… как видеоигры… Я имею в виду…

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — проговорила Кармен, с отчаяния покупая картонный стакан пива. — У тебя, должно быть, горло пересохло после этого монолога. Вот возьми. — Она сунула пенящийся стакан прямо ему под нос.

— Что-то я заболтался, извини.

Рикенхарп в три глотка ополовинил стакан, перевел дыхание и допил остаток. Горло на секунду превратилось в отдельно взятый рай. Волна спокойствия умиротворила его, но вскоре испарилась под воздействием голубого меска. Ну да, его врубило.

— Да ладно, я с удовольствием слушаю, — пояснила Кармен. — Но ты можешь выболтать что-нибудь, а я не уверена, что нас не сканируют.

Рикенхарп сконфуженно кивнул, и все проследовали дальше. Он скомкал стакан в руке и на ходу принялся методично рвать его на части.

Рикенхарп наслаждался окружающими оттенками, смешанным светом — тот лился на головы прохожих, обращая поток причесок и головных уборов в живую ленту яркой полосатой ткани, преображал автомобили в разноцветные движущиеся айсберги.

«Возьмем слово „аляповатое“, — думал Рикенхарп, — и кинем его сырым в бак, наполненный словом „очарование“. Подержим там некоторое время, пусть кислоты „очарования“ обесцветят „аляповатое“, так что на поверхности появится нечто вроде нефтяной радуги. Промокнем эту радугу марлей, выжмем ее в колбу, сильно разбавим маслом мультяшной невинности и экстрактом чистого субъективизма. А теперь пропустим сквозь колбу — и сквозь все остальные колбы неоновых рекламных бус над бульваром Свободной зоны — ток».

Перед ними простирался туннель из цветных огней, сходившийся в калейдоскоп: изогнутые фасады домов справа и слева блистали дюжиной разнообразных реклам. Чувственный однотонный поток неоновой инфоленты через расчетливо неравномерные промежутки прерывался яркими торговыми знаками а-ля Таймс-Сквер: «КЭНОН», «АТАРИ», «НАЙК», «КОКА-КОЛА», «УОРНЕР АМЕКС», «СЕЙКО», «СОНИ», «НАСА ХИМКО»,

«БРАЗИЛИАН ЭКСПОРТС», «ЭКСОН» и «НЕССИО». И лишь по одному признаку можно было догадаться о том, что идет война: две рекламы — «ФАБРИЦИО» и «АЛЛИНН», итальянской и французской компаний, — зияли темнотой, пав жертвой советской блокады.

Они миновали магазин телемаек, откуда выходили туристы, на груди которых сменяли друг друга фрагменты видео: сверхтонкие чипы, вшитые в ткань, проигрывали клип на выбор.

Лоточники тысячи рас торговали бета-сладостями, приправленными бета-эндорфинами; выращенными тут же, в Свободной зоне, моллюсками в темпуре и на шампурах; порнографическими брелоками-голокубами; мгновенными фотокарточками «вас и вашей жены» (ой, или это ваш бойфренд?) … Несмотря на близость Африки, темнокожих тут почти не было: Админ Свободной зоны считал их потенциальной угрозой безопасности. Туристы приезжали в основном из Японии, Канады, Бразилии на волне бразильского бума, Южной Кореи, Китая, арабских стран, Израиля… и еще немного из Америки. Совсем мало из Америки — спасибо депрессии.

Душно было, как в теплице, как в весело подсвеченной парилке. В горячем, смешанном с разнообразными дымами воздухе колыхались неоновые огни, расплывались и меняли цвет реклама, ролики на телемайках и светящиеся побрякушки. Высоко над головой, между неплотно пригнанными элементами пазла из рекламных щитов и видеоэкранов домов удовольствий, демонстрирующих откровенные клипы, просвечивало темно-синее ночное небо. На уровне улицы же границы хаоса по обе стороны очерчивались дверными проемами, потоком входящих и выходящих из супермаркетов, курительных салонов, сувенирных лавок, театриков и тинглерных галерей.

Вокруг, словно рифовые рыбки, сновали дилеры: прильнут, изучающе куснут и плывут далее. «Пэвэ, есть харроший пэвэ». ПВ — прямое включение, запрещенный церебростимулятор центра удовольствия. А также наркотики, кокаин, курительные смеси, стимы и седативы; около половины дилеров были аферистами, толкавшими соду и псевдостимы. Дилеры так и липли к Рикенхарпу и Кармен, поскольку те походили на наркоманов, а Кармен к тому же носила сниффер. Вообще, голубой меск и устройства для его потребления были под запретом, как и многие другие полезные вещи, игнорируемые копами в Свободной зоне. Ты мог носить сниффер и вещество, договор был таков: не пользуй в открытую, отойди куда-нибудь в укромное место.

На улице откровенно клеились шлюхи обеих полов. Считалось, что проституция в Свободной зоне регулируется

Адмиром, но нелегальных профессионалок терпели до тех пор, пока они были немногочисленны и кто-нибудь заносил деньги в службу безопасности.

Проплывающая мимо толпа постоянно демонстрировала разнообразие человеческой природы. Вот появился нишевой сутенер, толкая впереди себя двух подростков, спотыкающихся в похожем на смирительную рубашку жестком бондаже из черной резины, — мальчика и девочку. Их лица скрывали такие же резиновые маски, алюминиевые рейки держали рот распахнутым, что, вероятно, должно было выглядеть соблазнительно, но Рикенхарпу дети более всего напоминали жертв безумного стоматолога.

Улицы были усыпаны сотрудниками службы безопасности Свободной зоны, похожими в своей пуленепробиваемой форме на бейсбольных рефери: лица — за решетками шлемов, оружие — в кобуре на кодовом замке, четырехзначную комбинацию которого они, по словам очевидцев, были обучены набирать за одну секунду.

Чаще всего они просто стояли и болтали по рации в шлемофоне, но сейчас двое привязались к уличному наперсточнику — сморщенному чернокожему коротышке, у которого не было денег на бакшиш, — толкали его туда-сюда между собой, подкалывая друг друга через громкоговорители, так что их голоса заглушали дискотню из ближайших музыкальных лавочек.

— ЧТО ТЫ, БЛЯДЬ, ЗАБЫЛ В МОЕМ КВАРТАЛЕ, ГОВНЮК? ЭЙ, БИЛЛ, НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЭТОТ ПРИДУРОК ЗАБЫЛ В МОЕМ КВАРТАЛЕ?

— БЛЯ, Я НЕ В КУРСАХ, ЧТО ОН ЗАБЫЛ В ТВОЕМ КВАРТАЛЕ.

— МЕНЯ ТОШНИТ ОТ ЭТОГО НАЕБАЛОВА С НАПЕРСТКАМИ.

Один из них так разошелся, что огрел парня усиленной сервомоторами рукой и наперсточник рухнул без чувств, как закончивший вращение волчок.

— ВАЛЯЕТСЯ ПРЯМО НА БУЛЬВАРЕ, ВИДАЛ ТАКОЕ?

— ВИЖУ, ДЖИМ, И МЕНЯ ТОШНИТ.

Жлобы оттащили парнишку за ногу к ромбовидной уличной стойке и засунули его в капсулу, которую запечатали, прилепив к ее жесткой пластиковой оболочке второпях нацарапанный рапорт. А потом спустили капсулу в пневмоприемник; тот всосал ее, чтобы доставить в тюрьму Свободной зоны.

— Похоже, тут людей в мусоропровод спускают, — сказала Кармен, когда они миновали копов.

Рикенхарп внимательно посмотрел на нее.

— Ты совсем не волновалась, когда мы шли мимо копов.

Значит, не они, да?

— Не-а.

— Когда-нибудь расскажешь, от кого мы бегаем?

— Когда-нибудь расскажу.

— Откуда ты знаешь, что эти твои пришлые копы не высвистели на помощь местных?

— Юкио говорит, они бы не стали. Не хотят, чтобы кто-нибудь их тут засек: местный Админ их терпеть не может.

— Ах так!

Рикенхарп понял, о ком она. Второй Союз. Корпорация Международной Безопасности Второго Союза, криптофашисты, шебуршащие в развалинах Европы. ВС взял на себя роль интернациональной полиции, устанавливая свою версию порядка там, откуда ушли деморализованные силы НАТО. Власть ВС и ему сочувствующих распространялась все шире по мере того, как война не кончалась и не кончалась. Но до Свободной зоны они пока не дотянулись: местное независимое руководство видало ВС в гробу. Действовать тут открыто КМБВС не имела права — только подпольно.

Гребаные жлобы из ВС! Блин!.. Голубой меск подпитывал рикенхарпову паранойю. Сердце заухало в груди от выброса адреналина. Толпа начала вызывать у него клаустрофобию. Движения окружающих людей показались вдруг упорядоченными, а упорядоченности придал смысл охваченный ужасом разум. Упорядоченность посмеивалась над ним: «ВС следит за тобою». От коктейля из ужаса и экзальтации мутило.

Весь вечер он только и делал, что старался не думать о группе. О своей неспособности предотвратить ее распад. *Он потерял группу.* Никому ведь и не втолкуешь, почему для него это все равно что потерять жену и детей. Не говоря о карьере. Столько лет бороться за группу, за ее место в медиасети. И все — псу под хвост, вместе с его собственным именем. Откуда-то он понимал, что пытаться собрать новую группу не имеет смысла. Медиасети он просто не нужен, да и она ему тоже. Но экзальтация имела сходные корни: эта бездонная дыра внутри него — чувство потери — затянулась, стоило только подумать о жлобах из ВС. Они угрожали его жизни, угроза позволяла забыть группу. *Выход нашелся.*

Но вместе с тем пришел ужас. Если он свяжется с врагами ВС… если попадется ВС-овским громилам…

К черту! Что еще ему оставалось делать?

Он улыбнулся Кармен, та посмотрела на него удивленно, не понимая, что кроется за этой улыбкой.

«Что теперь?» — спросил он себя. Добраться до «Хижины

Гейти?» Разыскать Фрэнки, который найдет выход?

Но как же долго они туда идут. А, ну да. Наркотик нарушает восприятие времени. Повышает чувствительность, время как будто течет медленнее.

Толпа, казалось, стала гуще, музыка — громче, огни — ярче. Рикенхарпа понесло. Он с трудом отличал реальность от собственных фантазмов. Представилось, что он молекула некоего энзима в кровеносной системе макрокосмоса. Подобный овердоз всегда накрывал его при сочетании Энерджайзера с сенсорной перегрузкой.

«Что я?»

Оранжевые неоновые стрелы с козырька над головой, шипя, сползли по стене на тротуар и попытались обвиться вокруг его ног, утащить в тинглерную галерею. В ее голографических витринах плоть переплеталась с плотью; к нему выплывали груди и задницы, а он, словно подопытная мартышка при виде банана, против своей воли реагировал на визуальный раздражитель классическим образом — стояком в штанах. «Звенит звонок — у собачки течет слюна», — подумал Рикенхарп.

Он оглянулся. Что это там за парень в темных очках? К чему темные очки ночью? Может, он из ВС?

«Не-е-е, чувак. Я тоже ношу ночью темные очки. Расслабься».

Он попробовал было стряхнуть с себя паранойю, но она оказалась как-то завязана на охватившее его сексуальное возбуждение. Каждый раз, как он замечал проститутку или порнографическую видеорекламу, паранойя вновь колола его скорпионьим жалом на хвосте подросткового гормонального взбрыка. Он чувствовал, как нервные окончания выходят из-под кожи.

«Кто я? Толпа?»

Рикенхарп понимал, что после длительного воздержания порог чувствительности к меску у него понижен.

Кармен, увидев что-то на улице, взволнованно зашепталась с Юкио.

— Что случилось? — спросил Рикенхарп.

— Видишь, серебрится? — прошептала она. — Вроде серебристого мерцания — там, над такси… Присмотрись, я не могу показать рукой.

Он оглядел улицу. Такси как раз выворачивало из-за угла. Электрический мотор взвыл: колеса утюжили кучу мусора. Окна машины были настроены на зеркальное отражение. Чуть выше и сзади реяла хромированная птичка, ее трепещущие крылья расплывались, как у колибри. Размером она была с дрозда, а вместо головы торчал объектив камеры. На алюминиевой груди

имелся какой-то неразличимый знак.

— Вижу. Не знаю, что это.

— Думаю, ею управляют изнутри такси. Похоже на них. Пошли.

Она юркнула в тинглерную галерею. Уиллоу, Юкио и Рикенхарп последовали за ней. На входе пришлось купить жетоны, по минимуму: четыре на брата. Лысый, не первой молодости чувак с двойным подбородком за стойкой отсчитал их не глядя, взгляд его был прикован к экрану телевизора на запястье. Оттуда миниатюрный диктор вещал металлическим голосом:

— …сегодняшнее покушение на главу Второго Союза, преподобного Рика Крэндэлла… — Далее неразборчиво из-за помех. — Крэндэлл в тяжелом состоянии доставлен в медцентр Свободной зоны, находящийся под усиленной охраной. Неожиданно явившись на встречу в отеле «фуджи Хилтон», Крэндэлл…

Они забрали жетоны и направились вглубь галереи. Рикенхарп услышал, как Уиллоу прошипел Юкио:

— Сукин сын еще жив.

Рикенхарп сложил два и два.

Тинглерная галерея была окрашена главным образом в тона плоти: все доступные вертикальные поверхности заняты эмульгированной наготой, качество фотографий обычно не лучше поляроидных. По мере продвижения от одного фото или голограммы к другой вы начинали замечать, что изображения людей на них то инвертированы, то перекошены, то обработаны так, что в результате получились тысячи вариантов совокупления, как будто ребенок, поиграв в раздетые куклы, оставил их раскиданными на полу. Неяркий красный свет лился из кабинок, подманивал; длина его волны была рассчитана так, чтобы возбудить сексуальное любопытство. Внутри каждой «кабинки уединения» находились экран и тинглер. Последний выглядел наподобие пылесоса двадцатого века с крупной насадкой на конце шланга, похожей на солонку. Предполагалось, что вы будете смотреть на экран, слушать звуковое сопровождение и елозить тинглером по эрогенным зонам, стимулируя соответствующие нервные окончания тонко настроенным электрополем, проникающим под кожу. В душевых фитнес-центров легко было отличить парней, которые злоупотребляли тинглером. После «рекомендованного предела в 35 минут» кожа делалась похожей на обгоревшую под солнцем… Еще пять жетонов, и автомат выдавал кислородную маску со смесью амилнитрата и феромонов.

— Говоря привычными словами, — начал Юкио, — есть тут еще выход?

— Да, — кивнул Рикенхарп, — галерея стоит на углу, логично предположить, что тут два входа, с обеих улиц. Ну и, может быть, задний выход тоже…

Уиллоу тем временем разглядывал рекламную надпись под неподвижным изображением двух мужчин, женщины и козы. Он наклонился чуть ближе, всматриваясь в козу, как будто искал признаки семейного сходства, и кабинка почуяла, что рядом кто-то есть: изображение ожило, фигуры принялись изгибаться, отлизывать и проникать друг в друга, изменяя очертания с неестественно формализованной неуклюжестью; излучаемый кабинкой красный свет стал ярче, она выбросила в воздух приманку из феромонов и амилнитрата, стараясь соблазнить клиента.

— Так где же другой выход? — прошипела Кармен.

— Что-что? — Рикенхарп рассеянно взглянул на нее. — Ой! Извини, я тут… даже не знаю. — Он глянул через плечо и, понизив голос, сообщил: — Алюминиевая птичка внутрь за нами не полетела.

— Электрическое поле тинглеров мешает управлению птицей, — пояснил Юкио. — Но мы должны быть на шаг впереди.

Рикенхарп огляделся: лабиринт черных кабинок и розовых плакатов, казалось, скручивался в спираль, как будто сливался в кубистскую канализацию…

— Я сам найду другой выход, — решил Юкио.

Рикенхарп благодарно последовал за ним, ему хотелось наружу.

Они быстро прошагали по узкому коридору между рядами кабинок. Посетители задумчиво или с показной беззаботностью расхаживали от одной двери к другой, читали рекламу, разглядывали ролики, пытались найти в фетишистском индексировании свой код либидо, не смотрели друг на друга — разве что искоса, старательно соблюдали границы личного пространства, как будто боялись потревожить дремлющую сексуальную гибкость.

Откуда-то доносилась музыка — с подвыванием, с экстатическим оханьем. Красные огни напоминали о том, как просвечивают кровеносные сосуды в руке над яркой лампой. Негласные правила, регулирующие работу заведения, с кальвинистской неумолимостью складывались в своего рода полосу препятствий. Тут и там, в изгибах жарких узких коридоров, между рядами кабинок, усталые охранники в штатском, покачиваясь на каблуках, указывали праздно

шатающимся: «Проходите, пожалуйста, не останавливайтесь. Жетоны вы можете приобрести при входе».

Рикенхарпу наглядно представилось, что галерея вытягивает его сексуальность, что пылесосные шланги в каждой кабинке сговорились высосать его оргонную энергию,[10] сделав его безвольным мерином.

«Пора отсюда уебывать», — решил он.

И тут, увидев надпись «ВЫХОД», они ринулись к ней и выскочили за дверь.

И оказались в переулке. Оглядывались вокруг, ожидая увидеть птичку. Но птички не было. Лишь серые пересечения пенобетонных плоскостей, шокирующе монотонные после жадного разноцветья тинглерной галереи.

Они вышли из переулка, помедлили секунду, рассматривая струящуюся в обе стороны толпу. Как будто встали на берегу бурлящей реки. А затем вступили в нее, Рикенхарпу казалось, что ноги мокнут от обратившейся в жидкость человеческой плоти, на одном инстинкте он следовал к цели: к «Хижине Гейти».

Сквозь черные облупившиеся двери из прессованного картона они ворвались во влажный мрак вестибюля «Хижины Гейти». Рикенхарп отдал Кармен свою куртку, чтобы она прикрыла голые груди.

— Тут только для мужчин, — пояснил он, — но если ты не будешь светить сиськами, может, и пустят…

Кармен натянула куртку, очень осторожно застегнула молнию; еще Рикенхарп выдал ей темные очки.

— Эй, Картер! — Рикенхарп постучал в окно перегородки рядом с запертой дверью.

За стеклом кто-то оторвался от экрана телевизора.

— Привет, — улыбнулся Картер.

Сам себя он называл «модным педрилой» и одет, соответственно, был в отороченную белым корабельносерую флексикожу под минимоно. Но реальные M&M с презрением отвергли бы его за светящуюся сережку, на которой то и дело промелькивало зелеными буковками: «Иди… на хуй… если… тебе… не… нравится… Иди… на хуй… если…» Они сочли бы подобное непозволительно медийным. Да и широкая жабья рожа Картера никак не укладывалась в стандарты минимоно.

— Девчонкам нельзя, Харпи. — Он заметил Кармен.

— Это трансвестит, — оправдался Рикенхарп и протянул сложенную двадцатку ньюбаксов в окошко. — О'кей?

— О'кей, под ее ответственность, — согласился Картер, засовывая двадцатку в темно-серые бикини.

— Конечно.

— Слышал о Гиэри?

— Не-а.

— Нагероинился вусмерть, от зеленых писек.

— Ой, бля!

У Рикенхарпа мурашки по телу забегали. Паранойя снова поднимала голову, и, чтобы успокоить ее, он сказал:

— По-любому, я не собираюсь тут ничего никому отлизывать. Мне Фрэнки нужен.

— Этот дебил? Здесь он, держит совет или что-то в этом роде. Но тебе все же придется заплатить за вход, дорогуша.

— Без вопросов, — согласился Рикенхарп.

Он вытащил из кармана еще одну двадцатку, но Кармен остановила его руку:

— За наш счет, — и выложила свою купюру.

— Чувак, — рассмеялся Картер, взяв деньги, — этому педику знатно изменили голос. — Он прекрасно понимал, что перед ним женщина. — Ты все еще играешь в…

— Больше нет, — оборвал Рикенхарп, пытаясь не вдаваться в больную тему.

Вершина голубога была позади; казалось, что все внутренности сделаны из картона и любое давление их раздавит. Мышцы ни с того ни с сего сводило судорогой, так нервные дети то и дело сучат ногами. Он разваливался. Необходима еще одна доза. Когда ты под кайфом, реальность поворачивается к тебе милым личиком; когда кайф уходит, реальность обнажает свое безобразное нутро. Надо записать, чтобы использовать в песне.

Картер нажал на кнопку — и дверь открылась. Когда они проходили сквозь проем, она разразилась неприятным смехом.

Внутри стояла полутьма, было жарко и влажно.

— Кажись, твоего голубога разбодяжили коксом, или метом, или еще чем, — сообщил Рикенхарп Кармен, когда они проходили мимо покореженных пеналов раздевалки. — Что-то меня ломает сильнее положенного.

— Вполне вероятно… «Зеленые писки» — это он о чем?

— Положительный результат анализа на СПИД-три, ну, который убивает за полтора месяца. Кидаешь пилюлю в мочу, и если моча зеленеет — ты его подцепил. Лекарства от этого нового СПИДа не существует, вот парень и… — Он пожал плечами.

— А что, блинь, это за мейсто? — поинтересовался Уиллоу.

— Типа бань для гомиков, только вот мыться негде, — пояснил ему Рикенхарп, понизив голос. — Тусовочное такое место. Половина тут — натуралы, проебавшие все бабло в казино, вот и спят тут, где подешевле, понял?

— Ага. А ты-то как прознать про нейго?

— Ты меня пидором назвал, да? — усмехнулся Рикенхарп.

В темной боковой нише кто-то рассмеялся его шутке.

— Мней это не нравиться, вот, — тихонько жаловался Уиллоу Юкио, — у гребаньих педивов — мильон гребаньих болезни. А если какой-нибудь мудьило, стейк загорелый, попытаться дрочить об мою нога?

— Просто идем, ничего не трогаем, — успокаивал его Юкио. — Рикенхарп знает, что делает.

«Надеюсь», — подумал Рикенхарп. Может, Фрэнки удастся безопасно сплавить их со Свободной зоны; может — нет.

Стены из черного прессованного картона, такой же лабиринт, как в тинглерной галерее, только наоборот. Больше обычной красной подсветки; этот характерный запах обильного трения кожи о кожу, а вдобавок — смесь разнообразных дымов, лосьонов, дешевого мыла и, конечно, неистребимая вонь пота. А еще, если принюхаться, лубриканты, эректильные спреи, протухшая сперма. Перегородки достигали высоты десяти футов, а потолок терялся во тьме над головой. Бывший пакгауз удивительным образом разделялся на слои: внизу клаустрофобия, вверху агорафобия. Они миновали абсолютно темный зал. Расплывающиеся, неразличимые лица, выражения на которых было не больше, чем на телекамерах, поворачивались в их сторону.

Подобного рода места не больно-то меняются и за полвека. Одни совсем захудалые, другие не совсем. В самых захудалых — неработающие туалеты, на экранах — расфокусированная порнография с шестнадцатимиллиметровой пленки, пьяный визг из динамиков как звуковое сопровождение. И «Хижина Гейти» была ровно из таких.

Они миновали игротеку: загаженные бильярдные столы, глючные видеоигры, раскуроченные торговые автоматы. На стенах между автоматами лохматились плакаты, изображавшие мужчин утонченно женственных и в то же время карикатурно брутальных: с огромными гениталиями и мускулами, напоминавшими скорее уже сексуальные объекты, с лицами калифорнийских серферов. Кармен прикусила язык, чтобы не рассмеяться, пораженная всепроникающим духом самолюбования.

Они миновали еще один зал, оформленный под амбар. Двое мужчин приходовали друг друга на деревянной скамье внутри «стойла». Хлопала влажная плоть. Уиллоу и Юкио отвернулись. Кармен зачарованно разглядывала гомосексуальный акт. Рикенхарп бесстрастно прошел мимо, он прокладывал путь сквозь полуночные гнезда мужчин, ласкающих друг друга, мужчин, спящих на скамейках и диванах, мужчин, раздраженно

стряхивающих с себя во сне чужие, нежеланные руки. И наконец обнаружил Фрэнки в телевизионной гостиной.

Яркая, с радостно-желтыми стенами, гостиная была хорошо освещена, на столах — стандартные мотельные светильники, в углу диван, обычный цветной телевизор настроен на рок-канал, ряд мониторов на стене. Оказаться там — словно выйти из подземного мира. Фрэнки восседал на диване, поджидая посетителей.

Работал он на подключенном к медиасети портативном терминале. Покупатель сообщал ему номер счета или пластиковой карточки. Фрэнки проверял кредитоспособность, переводил деньги на свой счет («за консультационные услуги» — так это называлось) и передавал пакетики.

Стены гостиной были усеяны видеомониторами, один передавал картинку из комнаты оргий, второй крутил порнуху, третий — новости спутникового канала медиасети. Диктор снова рассказывал о покушении на Крэндэлла, теперь на технарском жаргоне; Рикенхарп надеялся, что Фрэнки не обратит внимания или, по крайней мере, не увидит связи. Фрэнки, по прозвищу Зеркальце, не гнушался никакими заработками, а ВС платил информаторам.

Фрэнки, сидя на рваном диване из голубого винила, сгорбился над карманным терминалом, выложенным на кофейный столик. Клиент — дискотечный гомик в белом каратистском кимоно, со вспышкой «акулий плавник» и стероидными мускулами — стоял поодаль и, пока Фрэнки завершал транзакцию, пожирал глазами набитый голубыми пакетиками холщовый мешок на столике.

Сам Фрэнки был чернокожим, в его лысом хромированном черепе, как в зеркале «рыбий глаз», отражались телеэкраны. На нем был серый в полоску костюм-тройка. Настоящий, не дешевая подделка, но мятый и заляпанный, словно Фрэнки спал или трахался не раздеваясь. В настоящий момент Фрэнки докуривал сигариллу «Нат Шерман»[11] до золотого фильтра. Его глаза синтококаинового наркомана блистали, как дьявольские рубины. Он сверкнул своей желтой улыбкой Рикенхарпу и, взглянув на Уиллоу, Юкио и Кармен, криво ухмыльнулся;

— Гребаные наркополицаи, что ни день — новые приколы. Явились вот четверо, один из них — точь-в-точь как мой приятель Рикенхарп, остальные трое — как два беженца и дизайнер-компьютерщик. Но у японца нет с собою фотоаппарата. Это его и выдает.

— Что за… — начал было Уиллоу.

Рикенхарп отмахнулся от него, что означало: «Он шутит,

дубина».

— Я хотел бы приобрести две вещи, — возвестил он и глянул на предыдущего клиента, который тут же забрал свой мешок и растворился в пампасах. — Во-первых, — сказал Рикенхарп, вынимая из бумажника карточку, — мне нужно три грамма голубога.

— Считай, что они уже твои, кореш.

Фрэнки махнул световым пером вдоль карты и запросил данные по счету. Терминал потребовал пин-код. Фрэнки передал машинку Рикенхарпу, который ввел код, тут же стер его с экрана и, нажав кнопку, подтвердил перевод денег на счет Фрэнки, а тот, перехватив терминал, дважды проверил, прошел ли трансфер. Терминал выдал обновленный баланс у Рикенхарпа и пополнение счета у Фрэнки.

— Съест половину твоих средств, Харпи, — предупредил Фрэнки.

— У меня большие перспективы.

— Слышал, вы с Хосе разбежались.

— Как это ты так быстро разузнал?

— Понс заходил прикупить.

— А, ну да… я скинул балласт, перспективы теперь самые радужные. — Но при этих словах он ощутил внезапную тяжесть в желудке.

— Баксы твои, парень.

Фрэнки засунул руку в холщовую сумку и выложил три предварительно взвешенных пакетика голубого порошка. Он выглядел вполне довольным, что Рикенхарпу совсем не понравилось. Всем своим видом он как бы говорил: «Я знал, что ты, жалкая тряпка, вернешься».

— Иди в жопу, Фрэнки! — сплюнул Рикенхарп, забирая пакетики.

— Отчего так расстроился, дитятко?

— Не твое дело, умник.

Фрэнки только засиял пуще прежнего. Он вопросительно взглянул на Кармен, Юкио и Уиллоу:

— Что-то еще, да?

— Да. У нас проблема. Мои друзья… им нужно куда-то деться с подводной лодки. Да так, чтобы Том и Гек[12] носу не подточили.

— Гм. А кто их разыскивает?

— Частная контора. Они будут держать под надзором вертолетную площадку, все законные…

— У нас был план отхода, — призналась вдруг Кармен, — но он погорел…

Юкио так взглянул на нее, что она сразу замолчала, только пожала плечами.

— Весьма таи-и-инственно, — отметил Фрэнки, — но молчу-молчу, жить еще не надоело. О'кей. За три куска вы получите три места на ближайшем пароме. Босс посылает команду, чтобы забрать груз. Попробую с ними договориться. Только вот идет паром на восток. Понимаете? Не на запад, не на север, не на юг. Только в оговоренном направлении.

— Как раз то, что нам нужно, — согласился Юкио, улыбаясь и кивая, как будто в бюро путешествий. — На восток. Куда-нибудь в Средиземноморье.

— На Мальту, — уточнил Фрэнки, — на остров Мальта. Лучшее, что могу предложить.

Юкио кивнул. Уиллоу пожал плечами. Кармен молчала — значит, соглашалась.

Рикенхарп тем временем тестировал товар. Из носа — в мозг, и понеслась… Фрэнки безмятежно следил за процессом, взглядом профессионала фиксировал приход. Он заметил, как переменился в лице Рикенхарп, как включился режим эго-драйва.

— Нам нужно *четыре* места, — сообщил Рикенхарп.

— Ты лучше решай, когда это дерьмо повыветрится, — поднял брови Фрэнки.

— Я решил еще до того, как принял, — возразил Рикенхарп, и сам-то не очень в этом уверенный.

Кармен уставилась на него. Он взял ее под руку и предложил:

— Отойдем на минутку?

Рикенхарп вывел ее из гостиной в темный коридор. Кожа ее руки уколола его пальцы сладостным электрическим разрядом. Он желал большего, но отпустил ее и спросил:

— Деньги можешь достать?

— У меня есть левая карточка, — кивнула она, — денег хватит… на всех нас. То есть на меня, Юкио и Уиллоу. Чтобы снять и на тебя, мне нужно разрешение. А взять его не у кого.

— Тогда я не стану вам помогать.

— Ты даже не представ…

— Представляю. Я готов свалить. Только вернусь гитару захвачу.

— Гитара будет мешать. Путь нам предстоит неблизкий, через оккупированную территорию. Так что гитару придется оставить.

Это чуть было не поколебало его решимость.

— Я ее суну в камеру хранения. Заберу потом когда-нибудь. — Да и не мог он сейчас играть: каждая нота звучала бы фальшью, так ему было больно. — Штука в том, что, когда вас

засекла эта птичка, я был с вами. Они решат, что я в деле. Слушай, я знаю, что вы сделали. ВС вас разыскивает. Правильно? Значит…

— Ладно, проехали, потише только. Слушай, я понимаю, что и тебя могли приметить, так что тебе тоже надо делать ноги. Допустим, но только до Мальты. Там…

— Мне придется остаться с вами. ВС повсюду. Я у них на крючке.

Она глубоко вздохнула, затем медленно выпустила воздух, присвистнув сквозь зубы, и уставилась в пол.

— Ничего не выйдет, — наконец подняла она взгляд. — Ты не наш. Ты гребаный музыкант.

— Тебя послушать, так это страшное оскорбление! — рассмеялся он. — Так вот: еще как выйдет! Группе все равно кранты, я должен… — Он беспомощно пожал плечами. Потом снял с нее очки и, заглянув в глубокие глаза, добавил: — Когда мы останемся одни, я тебе пизду в клочки порву.

Она сильно ударила его в плечо. Было больно. Но она улыбалась.

— Думаешь, такие разговоры меня заводят? Ну да, заводят. Но этого недостаточно, чтобы залезть ко мне в штаны. А насчет того, чтобы дальше с нами… как ты себе это представляешь? Небось боевиков насмотрелся?

— Я на крючке у ВС. Что мне еще остается?

— Хреноватый повод для того… для того, чтобы в такое ввязываться. Ты должен *верить,* потому что будет в натуре трудно. Тут тебе не телевизор.

— Боже мой, хватит. Я знаю, что делаю.

Глупости. Он был в депрессняке и под кайфом. Думал он примерно следующее: «Мой комп накрыло перегрузкой, все платы погорели. Сожжем на хер остальное!»

Он жил иллюзией, но не хотел признаваться в этом, вот и повторил:

— Я знаю, что делаю.

Она хмыкнула, внимательно оглядела его и сказала:

— Ладно.

И дальше все пошло по-другому.

notes

Примечания

1

Пер. С. Красикова.

2

Джон Кейл (р. 1942) — выдающийся музыкант родом из Уэльса; вместе с Лу Ридом стоял у истоков легендарной американской группы *«Velvet Underground»,* в которой играл до 1968 г.

3

Бибоп — джазовый стиль, сложившийся к середине 1940-х гг., характеризуется быстрым темпом и сложными импровизациями, основанными на обыгрывании гармонии, а не мелодии. Его основоположники — саксофонист Чарли Паркер, трубач Диззи Гиллеспи, пианист Телониус Монк.

4

Басби Беркли (1895–1976) — голливудский режиссер и хореограф. Танцоры в его мюзиклах часто формировали калейдоскопические геометрические узоры.

5

Эдвард Мунк (1863–1944) — норвежский художник-экспрессионист.

6

Thunderbird *(англ.)* — буревестник, персонаж фольклора североамериканских индейцев. Так же называется модель «форда», выпускающаяся с середины 1950-х гг.

«Guitar Player» — американский журнал, выходит с 1967 г.

8

Венерина мухоловка — хищное растение семейства росянковых.

9

Свенгали — персонаж романа Джорджа Дюморье «Трильби» (1894). Используя манипулирование, магию, гипноз и телепатию, он заставляет окружающих действовать в его интересах.

10

Термин, введенный в конце 1930-х гг. психоаналитиком Вильгельмом Райхом для обозначения псевдонаучной «универсальной энергии жизни». По мнению Райха, физические и психические болезни являлись следствием блокирования в теле этой энергии.

11

«Нат Шерман» — марка эксклюзивных табачных изделий, известная с 1930-х гг.

12

Аллюзия на Тома Сойера и Гекльберри Финна — героев романов Марка Твена.